

Екатерина Великая и Станислав Август Понятовский

Отношения российской императрицы и последнего монарха Речи Посполитой не только остались в их мемуарах и свидетельствах эпохи. История их любви была вплетена в отношения России и Речи Посполитой и стала символом исторических судеб этих государств.

Станислав Август Понятовский родился 17 января 1732 г. в местечке Волчин Берестейского воеводства Речи Посполитой (ныне деревня Волчин Каменецкого района Брестской области). Род Понятовских не выделялся древностью, но был по-своему примечателен. Около 1650 г. выходец из итальянского графского дома Монте-Кьяруджоло Джузеппе Торелли женился на дочери владельца местечка Понятов, и этот брак, смешавший итальянскую и польскую кровь, положил начало семейству Понятовских. Отец Станислава, один из виднейших дворян Речи Посполитой, укрепил положение семьи женитьбой на Констанции Чарторыйской — энергичной и образованной представительнице одного из влиятельнейших родов Польши. Станислав был четвертым из семерых детей. Мать сумела не только обучить детей всему, что знала сама, но и оградить их от дурного влияния. В 16 лет Станислав отправился в Европу для завершения образования. За несколько лет он посетил Пруссию, Саксонию, Францию, Англию, Южные Нидерланды, владения австрийских Габсбургов. В 1750 г. в Берлине он познакомился с человеком, оказавшим большое влияние на его судьбу. Это был сэр Чарлз Генбюри Вильямс — английский политик, посол при саксонском и прусском дворах. Много повидавший, образованный, Вильямс был значительно старше Понятовского, который очень ценил знакомство с таким человеком. Общение между ними привело к тому, что назначенный в 1755 г. британским послом в России Вильямс пригласил Понятовского с собой в Санкт-Петербург — как помощника и секретаря.

...Российской императрице Елизавете Петровне, дочери Петра Великого, уже минуло 45 лет, и ей, некогда прекраснейшей в Европе принцессе, не давали покоя две проблемы. Первая из них — увядающая красота и ухудшение здоровья, что остановить было невозможно. Вторая — отсутствие достойного преемника на престоле. Елизавета официально замужем не была, наследников у нее не было. Она вызвала из Голштинии — княжества на севере германских земель — своего племянника Карла Петера Ульриха. Это был будущий император Петр III, в православном крещении Петр Федорович. Но надежд он не оправдал. О нем, запоздалом в развитии, недалеком, изуродованном воспитанием с битьем, она говорила: «Племянник мой урод, черт его возьми!» Будущему императору нашли жену — принцессу Софию Августу Фридерiku Ангальт-Цербстскую. Но эта девушка вызывала недоверие императрицы. Она была... подозрительно хороша. Получив в православном крещении имя Екатерины Алексеевны, она выучила русский язык, почитала православные обряды, была образованна, умна. Что она замышляет? Поэтому круглосуточный надзор, минимум денег, доноски, недопущение дружбы Екатерины ни с кем были мерами Елизаветы.

Рождение наследника было проблемой — инфантильный Петр в супружеской спальне играл в солдатики, и такой «незавершенный» брак тянулся почти девять лет. Чтобы спасти ситуацию, к великой княгине подослали «красивого, как день», недавно женившегося камергера Сергея Салтыкова. Чьим сыном был родившийся царевич Павел, возможно, Екатерина

сама не знала. Но ребенка у нее забрали, а Салтыкова, выполнившего свою миссию, отправили послом в Швецию. Екатерина поняла, что мужчина, к которому она привязалась, возможно, и не любил ее, а просто играл роль. И как больно ей было узнавать, что он не пропускает ни одной юбки. Она терпела одиночество, заполняя его чтением, терпела безразличие мужа, его вызывающее поведение и волокитство за фрейлинами, терпела подозрительность Елизаветы и хроническую нехватку денег. Ради чего? Она знала, что должна выжить и царствовать.

Именно в этот момент с ней познакомился английский посланник Вильямс — галантный, интересный, умный. Он выполнял при петербургском дворе свою задачу — максимально склонить Елизавету к сотрудничеству с Англией, и в великой княгине увидел союзника. Он не только общался с Екатериной в нужном русле, но и не раз ссужал ее крупными суммами денег. Но по-настоящему «подобрался» к Екатерине он через своего секретаря.

На Троицын день летом 1755 г., во время именин великого князя Петра в Ораниенбауме, Вильямс обратил внимание Екатерины на обаятельного молодого поляка. Понятовскому шел двадцать третий год, и Екатерина заметила, что для иностранца успех в России — это наверняка успех в Европе. Нужно сказать, что о Понятовском в своих «Записках» она говорит весьма сдержанно — «граф Понятовский», не называя его даже по имени. Совсем по-другому видел ситуацию Станислав Понятовский, который, очевидно, из двоих любил сильнее. Вот как он описывает Екатерину в

своих «Мемуарах»: «Ей было двадцать пять лет. Оправляясь от первых родов, она расцвела так, как об этом может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате, много говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы...»

Покровительствовать влюбленным вызвался камергер Екатерины князь Лев Нарышкин, и так старательно, что возникает вопрос: не приложил ли к этому финансовое поощрение Вильямс? Намеки, передача записок, устройство первого свидания... Это было почти нереально, ведь все на виду. Нарышкин пригласил Екатерину к себе в гости, якобы к заболевшей жене брата. Екатерина возразила, что ему за это грозит крепость, а ей — «Бог знает какие неприятности». Но Нарышкин уже все обдумал: Екатерина уйдет с ужина раньше, под предлогом головной боли, переоденется в мужское платье и убежит. Так и сделали. В назначенный час Нарышкин пробрался к ее дверям и замюкал — таким был условный знак свиданий. Когда прибыли домой к Нарышкину, то оказалось, что жена брата их не ожидала, но там был граф Понятовский... Это произошло в декабре 1755 года. Потом нужно было отдать визит, и Нарышкин незаметно провел Понятовского к Екатерине. Эта опасная игра грозила фатальными последствиями. Но, как писал Понятовский, «я позабыл о том, что существует Сибирь».

В прошлом у него были интрижки, но теперь он, судя по его «Мемуарам», первый раз любил с такой силой. Он называет Екатерину возлюбленной, сыгравшей роль арбитра в его судьбе. Действительно, никогда больше он не встретит женщину такого положения и ума. А она об этом молчит в своих «Записках», лишь при случае упоминая графа Понятовского. Так прошла половина 1756 года, когда родители приказали Понятовскому вернуться домой, чтобы быть избранным депутатом в сейм. Екатерина очень неохотно его отпустила, с обещанием, что он скоро приедет как официальное лицо. И Понятовский вновь явился к российскому

двору, уже в качестве посланника, в начале 1757 года. В декабре 1757 г. у Екатерины родилась дочь, отцом которой считают Станислава Понятовского — княжна Анна Петровна, но девочка умерла, не дожив до полутора лет. Их отношения постепенно стали известны, но мужу Екатерины было все равно — как женщину он ее игнорировал, заводя любовниц.

Но однажды грянул гром. Весной 1758 г. канцлера Бестужева, покровительствовавшего Екатерине и Понятовскому, арестовали по обвинению в государственной измене. Понятовский решил на время уехать от российского двора, но пока стал посещать Екатерину чаще. Летом 1758 г. во время очередной поездки в Ораниенбаум он был схвачен и доставлен к великому князю Петру. От него не добились никаких признаний и отпустили, хотя было видно, что муж Екатерины все знает. А дальше получилось и вовсе некрасиво. Екатерина решила, видимо, для собственного спокойствия, наладить отношения с любовницей мужа — фрейлиной Екатериной Воронцовой. Все это закончилось, опять же на Петров день, совместным ночным пиршеством. Дело дошло до того, что теперь в известные моменты Петр, уходя со своей фавориткой, говорил жене и Понятовскому: «Ну, дети мои, я вам больше не нужен, я полагаю...». Это не могло не унижить отношения, казавшиеся такими значимыми. Роман исскал, и уже в августе 1758 г. Понятовский покидает Петербург. Перед разлукой Екатерина, трезво оценивая ситуацию, дала понять, что не против его интимных связей с другими — она уже даже не ревновала. Между тем, Понятовский, по его признанию, этим «дозволением» не пользовался два года, в память о былых отношениях. Когда ситуация поменялась и он признался в этом Екатерине, она спокойно ответила, что давно уже этого ждала... Это было понятно: у нее появился новый мужчина — гвардеец Григорий Орлов.

В июне 1762 г. гвардия во главе с братьями Орловыми возвела Екатерину на престол, а через неделю скончался заключенный в пригороде Петербурга Ропше император Петр III.

Понятовский, сохранивший в душе память о былом, рвался приехать к Екатерине. Но она запретила ему это — зачем ей прежний любовник, если есть новый, от семьи которого зависит ее непрочное положение на троне. Понятовский был готов предложить российской императрице руку и сердце. Но у нее были на него другие виды.

Речь Посполитая доживала последние десятилетия. Безвластие, магнатская вольница, религиозные проблемы провоцировали желание соседей развалить страну и разделить ее земли. Российский контроль в Речи Посполитой был уже со времен Петра I. И теперь, после смерти в 1763 г. короля Августа III Екатерина делает Станислава Понятовского новым монархом. Он видел гибель страны и не хотел в ней участвовать. Он писал российской императрице: «Не делайте меня королем, призовите меня к себе». Две причины заставляли его просить об этом. Первая — память о любви, которую он продолжал хранить в душе, вторая — уверенность в том, что в качестве частного лица при Екатерине он будет более полезен родине, чем в качестве короля. Но его мольбы услышаны не были. Письма Екатерины были сухими распоряжениями, просьбы Понятовского о встречах она отвергала. Она прагматично шла к своей цели — трем разделам Речи Посполитой. А он, как капитан тонущего корабля, старался спасти страну целым рядом реформ, вершиной которых была Конституция 3 Мая 1791 г. Но уже было поздно. У короля не было денег, не было армии, не было надежных сторонников.

После подавления восстания Тадеуша Костюшко в 1795 г. Станислав Август Понятовский под конвоем 120 российских драгун прибыл в Гродно, где подписал акт отречения от престола. Это произошло 25 ноября 1795 г., в день именин императрицы Екатерины... Но оставаться в Гродно, где его считали виновником всего произошедшего, он не мог. Последние годы он прожил в Санкт-Петербурге, в Мраморном дворце, предоставленном сыном Екатерины — императором Павлом — и умер 12 февраля 1798 г.

Лариса ЛАНДИНА,
кандидат исторических наук.